

Социальные и гуманитарные науки в Китае: от догоняющего развития к борьбе за глобальную гегемонию

Сергей Александрович Иванов,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: isaras9@outlook.com

В статье изучена динамика развития гуманитарных и социальных наук КНР с начала 1980-х гг. Автор, используя концепцию гегемонии А. Грамши, рассматривает эту сферу в качестве профессионального сообщества, связанного одновременно с глобальным интеллектуальным пространством, где господствуют западные ценности, и национальным политическим пространством, опирающимся на коммунистическую идеологию. В статье показано, как Китай сначала принял западную гегемонию в глобальной науке, пытаясь через её ценности и принципы создать конкурентную среду для догоняющего развития, но в последние годы для усиления официальной идеологии и её внешнего влияния стремится идти альтернативной дорогой. Власти КНР увеличили финансирование и другую поддержку социальных и гуманитарных дисциплин, но также поставили перед ними высокую планку — продвигать в международном сообществе китайскую картину мира и китайские подходы к видению общественных отношений. Пока основные механизмы реализации этой стратегии — «мозговые центры» с китайской спецификой, выстраивание особых отношений с мировой синологией, мобилизацию творческого потенциала и популяризацию вовне исследований — нельзя оценить как успешные. Они знакомят мир с КНР и позволяют втягивать в орбиту китайского влияния зарубежных коллег, но не создают главного — контрдискурса, способного описывать общественные отношения не в рамках западных либеральных ценностей. В статье также показано, что стратегия китаизации социогуманитарного знания сталкивается со структурными противоречиями в научном сообществе КНР, сформированными вследствие ускоренной интеграции в глобальную науку.

Ключевые слова: Китай, социальная наука, гуманитарная наука, гегемония, либеральные ценности, коммунистическая идеология.

**Social Sciences and Humanities in China:
From Catching Up to Challenging Global Hegemony.****Sergei Ivanov**, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: isaras9@outlook.com.

This paper examines the dynamics of the humanities and social sciences in the PRC since the early 1980s. Relying on Gramsci's concept of hegemony, the author examines this sphere as a professional community connected both with the global intellectual space dominated by Western values and the national political space based on Communist ideology. This paper shows how China first embraced Western hegemony in global science, seeking through its values to create a competitive environment for catch-up development, but in recent years has pursued an alternative path to strengthen official ideology and its external influence. The PRC authorities have increased funding and other support for the social disciplines and the humanities but also set the bar high for promoting the Chinese worldview and Chinese approaches to social relations in the international community. However, the main mechanisms for implementing this strategy—creating think tanks with Chinese characteristics, building special relations with global sinology, mobilising creative potential, and popularising research externally—cannot be characterised as successful yet. They introduce China to the world and involve foreign colleagues under Chinese influence, but they do not create the main thing—a counter-discourse capable of describing social relations outside the framework of Western liberal values. The paper also shows that the strategy of Sinicization of social sciences and the humanities faces structural contradictions in Chinese scientific community, which have been formed due to accelerated integration into global science.

Keywords: China, social sciences, humanities, hegemony, liberal values, communist ideology.

ВВЕДЕНИЕ

В России растёт исследовательский интерес к научно-технической политике КНР [2—5]. В его основе лежит стремление понять, как Китай, в отличие от России, смог создать сильный инновационный комплекс. Этот интерес направлен на изучение всей науки, хотя на самом деле сосредоточен на естествознании, а точнее научно-технической политике государства и результатах научных разработок, и не касается ни социогуманитарного знания, ни вопросов внутреннего устройства китайской академии. В статье мы попытаемся заполнить этот пробел через анализ становления гуманитарных и социальных наук (ГСН) Китая

с начала 1980-х гг., рассматривая их как общественную сферу производства знания, учитывая их структурные особенности, отношения с государством и глобальной наукой.

ГСН Китая редко становятся объектом изучения по целому ряду причин. Их теоретический вклад в мировую науку незначителен, а экономистов, философов, социологов или антропологов, которые формулировали бы принимаемые за пределами КНР фундаментальные концепции, не так много. Для исследователей китайского государства ГСН как проблемное поле появилось недавно: правительство страны всегда в приоритетном порядке поддерживало развитие естественных наук и лишь в 2010-е гг. заявило о планах укрепить национальное социогуманитарное знание [13, с. 254]. Ситуацию мог бы спасти профессиональный интерес, который, например, есть на Западе к наукометрии китайских ГСН, проблемам их (не)автономии и интернационализации как стратегии догоняющего развития. Но в России можно найти только единичные работы об отдельных социогуманитарных дисциплинах [1; 6]. Наконец, есть и объективные трудности в изучении ГСН: их невозможно оценить количественно, т.е. посчитать в публикациях в высокорейтинговых журналах, патентах, инновационных компаниях, сравнить эти показатели с затрачиваемыми государственными и частными ресурсами и тем самым оценить эффективность.

Для придания ясности ГСН как объекту исследования мы прибегнем к концепции гегемонии А. Грамши. Гегемония — это процесс и связанные с ним практики консолидации социальных сил, основанные не на принуждении, а на консенсусе, достигаемом через добровольное признание морального авторитета господствующей социальной группы. Это понятие не ставит учёных или, если брать широко, творческое сообщество (в нашем случае сферы ГСН) в оппозицию к власти или бюрократии. Наоборот, интеллектуалы играют важную роль в формировании гегемоний на уровне государства, так как помогают господствующим социальным группам осуществлять власть через культурно-этическую консолидацию широких масс [18, с. 12—14]. Исходя из этого, Коммунистическая партия Китая (КПК), для которой идеологическое воспитание официально является важной задачей государства, должна формировать тесные отношения с национальным сообществом ГСН. Однако, как указывал А. Грамши, гегемонии охватывают не только уровень государства, но и другие организационные уровни, в том числе наднациональный. Здесь сложилась гегемония западной культуры по отношению ко всей мировой [18, с. 416—417]. КНР с конца 1970-х гг. и до сих пор является государством статус-кво: оно принимает и поддерживает большинство норм западной гегемонии, но эффективно противостоит тем, которые угрожают суверенитету страны

и власти КПК [33, с. 657]. Мы рассматриваем китайскую науку как арену взаимодействия двух гегемоний. Китайское научное сообщество в силу высокой интеграции экономики КНР в мировое хозяйство является частью глобального научно-технологического комплекса. Однако мировая наука предлагает европейские ценностные ориентиры и теоретические парадигмы исследований как единственно возможные [29, с. 173—174], поэтому власти КНР для сохранения коммунистической идеологии должны контролировать внешнее влияние на национальную сферу ГСН. К тому же Китай, как государство с державными амбициями, явно не могут устраивать низкие позиции в иерархизированном производстве социогуманитарного знания: как показывает опыт Японии, даже вхождение в экономический центр мировой системы не гарантирует схожие позиции в глобальных ГСН [8, с. 605—606].

В статье мы показываем, как китайские власти с начала 1980-х гг. использовали западную науку в качестве ориентира догоняющего развития национального научного комплекса, однако одновременно пытались оградить ГСН от внешнего культурно-этического влияния, а в последнее десятилетие сформировать через них альтернативные западной гегемонии социогуманитарные знания. Статья носит описательный характер и построена на анализе официальных документов и заявлений властей КНР, статистических данных, а также результатов предыдущих исследований. Помимо введения, она включает пять разделов, в которых последовательно изучены ГСН в структурной динамике китайской науки, отношение властей КНР к социогуманитарному знанию, интернационализация ГСН и попытки формирования и распространения вовне китайского видения общественных отношений, а также заключение.

ГСН В СТРУКТУРНОЙ ДИНАМИКЕ КИТАЙСКОЙ НАУКИ

Социогуманитарное знание в Китае было элитарным вплоть до середины XX в. Несмотря на известные технические изобретения (компас, порох, бумага, книгопечатание), конфуцианская система подготовки интеллектуалов в имперский период не предполагала изучение точных и естественных наук, отдавая предпочтение штудированию текстов, музыке и поэзии [23, с. 244]. Социогуманитарное знание ценилось с точки зрения продвижения по государственной карьерной лестнице, а интеллектуальные занятия, не связанные со службой, такие как преподавание и исследование, не были в почёте [20, с. 12]. В Китае не возникла ньютоновская культура, которая, помимо индустриализации [16, с. 183], принесла Европе качественное изменение социогуманитарных

знаний: они стали строиться не на комментировании авторитетных текстов, а на их критике [11]. Проникновение западной науки в Китай в середине XIX в. и с ней университетов радикально не изменили научно-образовательную среду страны, но всё же к середине XX в. ведущие вузы КНР переняли ценности интеллектуальной свободы и автономии Запада [20, с. 56—57].

В коммунистическом Китае произошли более радикальные изменения в структуре научной деятельности. КПК видела науку и образование не элитарным занятием для государственной службы, а предпосылкой движения широких масс к коммунизму. ГСН попали под строгий партийный контроль, который в том числе проявлялся в прямом подчинении Отделу пропаганды ЦК КПК. Другим вызовом для социогуманитарных дисциплин стал приоритет естествознания в государственной политике. После образования КНР руководство страны пыталось создать единую структуру управления наукой, ориентируясь на опыт СССР и доминирующее положение там Академии наук. Однако подчинение ГСН созданной Китайской академии наук (КАН) привело к управленческому конфликту, в результате чего к середине 1950-х гг. социогуманитарное направление получило автономию в рамках КАН, а в 1977 г. выделилось в Китайскую академию общественных наук (КАОН) с прямым подчинением Госсовету КНР [41].

В 1980-е гг. сложилась современная управленческая структура ГСН. Отдел пропаганды ЦК КПК продолжил курировать идеологическую работу. В 1982 г. он вместе с КАОН созвал национальный симпозиум по вопросам обществознания, после чего была создана Всекитайская ведущая группа по планированию философии и социальных наук. В 1991 г. на её базе появилась постоянная канцелярия [42, с. 8], которая не только централизовала планирование, но стала крупнейшим грантодателем в сфере ГСН через Национальный фонд социальных наук (НФСН). В КАОН в начале 1980-х гг. заметно увеличилось количество институтов — с 13 до 32, и почти во всех провинциях появились свои научно-исследовательские организации социогуманитарного профиля. Университеты сохранили автономию от КАОН и подчинялись Министерству образования КНР с его собственной системой грантов и требований. Связь между КАОН и вузами обеспечивал не только Отдел пропаганды ЦК КПК, но и многочисленные общественные ассоциации учёных различных дисциплин, которые тоже стали появляться с началом реформ [42, с. 8—9].

Естествознание в Китае превосходит ГСН в кадровом и особенно финансовом отношениях. В 2020 г. 61% всех китайских аспирантов (к ним относятся магистранты и докторанты) изучали естественные, технические, медицинские и сельскохозяйственные науки, 31% — менеджмент, педагогику, эконо-

мику и право (включая политологию), 8% — литературу, искусство, историю и философию [53, с. 28]. В 2018 г. вузы тратили на ГСН 19 млрд юаней, или 13% от бюджета всей университетской науки, а НИИ — около 6 млрд юаней, или 2,2% от всех своих исследовательских расходов [52, с. 76, 116]. В этот же период в социогуманитарных дисциплинах работало около 550 тыс. научных сотрудников, в естественных — почти 900 тыс. [52, с. 59, 110]. Главенствующее положение естествознания проявляется не только в количественных показателях: в вузах, особенно элитных, существует негласная иерархия дисциплин (по престижу и финансированию), в которой низшие позиции занимает обществознание [34, с. 394].

Другая структурная особенность китайских ГСН — это их концентрация в вузах, а не в НИИ. Вышеуказанные данные о финансировании науки говорят о трёхкратном превосходстве университетов в тратах на социогуманитарные дисциплины. С 2009 по 2018 г. число вузов со специализацией в ГСН выросло в два раза — с 954 до 2346, количество научных организаций сократилось с 645 до 592. В 2018 г. в Китае социогуманитарными исследованиями занималось 18 тыс. научных сотрудников НИИ на 16 тыс. ставок и 539 тыс. в вузах на 114 тыс. ставок [52, с. 59, 110]. Эти цифры одновременно отражают особенность университетских ГСН: здесь в среднем учёный работал на 0,2 годичной научной ставки, т.е. исследовательская деятельность была вторичной по сравнению с преподаванием. В 2016—2020 гг. вузы опубликовали 90% всех статей в ведущих китайских журналах социогуманитарного профиля, зарегистрировали 95% патентов и 99% баз данных [55]. Такое превосходство вузов, скорее всего, связано с особенностями бюрократической отчётности, в которой университеты, более комплексные организации, чем НИИ, выдают результаты естественно-научных дисциплин за, например, археологические или социологические. Тем не менее это допущение не отменяет факта превосходства учреждений высшего образования в производстве социогуманитарного знания в Китае.

ГСН В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ: ОТ ЭКОНОМИЗМА К КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКЕ

В коммунистическом Китае ГСН всегда были тесно связаны с приоритетами государственной идеологии. После Мао Цзэдуна, при котором ГСН ещё не были институционализированы и сильно пострадали в период «культурной революции», власти попытались экономизировать ГСН, т.е. подчинить их задачам экономического строительства и реформам. В докладе на первом пленуме ЦК КПК 12-го созыва генсек Ху Яобай подчёркивал

востребованность экономических и управленческих дисциплин, так как они позволят наладить хозяйственное планирование и развитие [43]. В 1980-е гг. китайские учёные нередко становились субъектами экономических отношений. Многие оставили академическую карьеру, уйдя в бизнес. Другие пытались совмещать научную деятельность с предпринимательством [32, с. 178—179].

Экономизм в науке и противоречия внутри политической элиты Китая привели к ослаблению идеологического контроля ГСН. Более того, после «культурной революции» руководство страны видело необходимость в повышении академических стандартов, профессионализации вузов и НИИ, а также поощрении исследований. В 1986 г. впервые появились научные фонды, не связанные непосредственно с местом работы учёных и распределяющие деньги на конкурсной основе [20, с. 119—120]. Они прежде всего затрагивали естественно-научные исследования, но постепенно стали включать наиболее практико-ориентированные направления ГСН — экономику, социологию, менеджмент, которые вплоть до конца 2000-х гг. превосходили по возможностям получения грантовой поддержки историю, философию и другие дисциплины, далёкие от повестки экономического развития [21, с. 28].

Ослабление идеологического контроля в вузах и НИИ также стимулировало участие представителей ГСН в политической жизни страны. В 1980-е гг. это было характерно для университетской среды, но даже в рядах КАОН, подконтрольной Госсовету, встречались руководители институтов, критически настроенные по отношению к власти, не говоря уже о простых сотрудниках [32, с. 101].

С середины 1990-х гг. власти КНР стали выражать недовольство эффектами западной научной гегемонии, так как свойственные ей теории и концепции описывали Китай в негативном ключе. В марте 1994 г. в «Некоторых мнениях об усилении и улучшении исследований в области гуманитарных и социальных наук в высших учебных заведениях» Государственная комиссия по образованию продолжала настаивать на экономизме: учёные должны отказаться от исследований «ради книг» в пользу изучения реальных социальных и экономических (но не политических) процессов во благо реформ. Однако в них же указывалась необходимость «создания новой системы дисциплин гуманитарных и социальных наук с китайской спецификой» [46]. В 2004 г. в «Мнениях об ускорении построения философии и социальных наук с китайскими особенностями» ЦК КПК объяснил, что ГСН — это «важная часть всеобъемлющей национальной мощи», которая должна исходить из марксизма и китайских реалий для изучения общественных отношений и руководства новой практикой [47]. «Китайская специфика», «китайский

стиль» или «китайский подход» стали ключевым требованием властей к теоретическому осмыслению общественных проблем. По мнению ЦК КПК, в авангарде китаизации ГСН должны стоять центральные научно-образовательные учреждения, а задачей региональных признавался прикладной анализ социально-экономических проблем конкретной местности [47]. В 2011 г. Ли Чанчунь, член Политбюро ЦК КПК, курировавший культуру и науку, распорядился поднять финансирование ГСН для повышения теоретических исследований до мирового уровня [56]. НФСН значительно увеличил количество грантов в категории «Важные теоретические проекты», смещая фокус с экономики и социологии на историю, археологию, культурологию и другие гуманитарные дисциплины [21, с. 28], важные уже не в экономическом строительстве, а в производстве знаний, альтернативных западной картине мира.

Вместе с материальными стимулами при Си Цзиньпине заметно усилилось идеологическое давление на учёных ГСН: им рекомендовалось заниматься «китаезированными» исследованиям. Это началось в духе маоцзэдуновской кампании «инициативы снизу», на которую было вынуждено реагировать правительство. В октябре 2014 г. WeChat-канал партийной газеты «Ляонин Жибао» собрал микроистории подписчиков на тему «Каким должен быть Китай в университетской аудитории». Материалы «оправдали ожидания» издания: «во многих комментариях указывалось, что в университетской аудитории стало модно говорить плохо о Китае, ругать китайское общество и на каждом занятии твердить „посмотрите на другие страны“» [57]. Через месяц газета подготовила открытое письмо представителям ГСН с заголовком «Преподаватель, пожалуйста, не говорите так о Китае». Оно требовало от профессуры ориентироваться на марксистскую идеологию как теоретическую основу своих исследований и лекций, демонстрировать политическую приверженность социализму с китайской спецификой и лояльность партии. Уже в январе 2015 г. реакцией на это обращение стали мнения канцелярии ЦК КПК и Госсовета об усилении пропагандистской работы в университетах [39, с. 236—237].

В апреле 2018 г. Министерство образования выпустило уведомление с требованиями усилить контроль за преподаванием курсов идеологии и политической теории в вузах. Их смысл сводился к ужесточению надзора за обучением как со стороны организаций (например, недопустимости занятий по этим курсам в вечернее время и выходные), так и со стороны преподавателя (подача материала в строгом соответствии с партийной идеологической линией) и студента (посещаемость, серьёзное отношение к дисциплине) [51]. Для всех аспирантов вводился обязательный курс «Китайский марксизм и современность». За этим последовали

и меры ручного регулирования, связанные с усилением идеологического контроля в ведущих университетах страны [26, с. 231].

С увеличением финансирования и морального давления власти ожидали прорывов в социогуманитарном знании и считали, что идеологизация и творческий поиск в ГСН могут продуктивно сосуществовать. По мнению Министерства образования КНР, идеальный работник вуза — это многогранный индивид, который должен быть одновременно высокоморальным гражданином и патриотом, чётко следующим партийным принципам, марксистскому учению и китайским традициям в деле «служения партии и народу», при этом быть новатором, «защитником передовых идей» и «пионером академических исследований» [54]. Его творческий поиск ценится, но не должен переступать «красные линии» государственной идеологии, а с политической точки зрения результаты должны легитимировать существующий политический порядок. По мнению Си Цзиньпина, учёный-гуманитарий должен уметь «думать и изучать китайские проблемы, основываясь на социальных изменениях и инновационной практике, которые переживает современный Китай, открывать новые проблемы, предлагать новые идеи и строить новые теории, способствовать китаизации и модернизации марксизма и отвечать на вопросы, почему Коммунистическая партия Китая может управлять, почему марксизм работает и социализм с китайской спецификой хорош» [40].

Такая высокая планка вряд ли будет оправдана. Как видно на примере грантов НФСН [21, с. 27], попытки привить учёному одновременно творчество и политическую сознательность приводят не к созданию теорий, а к интенсификации исследований, комментирующих политические события (например, съезды КПК или ВСНП, выступления руководителей, официальные документы), и к переписыванию национальной истории и культуры под требования новых идеологических парадигм. Другими словами, теоретические исследования подменяются легитимацией политического дискурса научным сообществом.

ИНТЕГРАЦИЯ В ЗАПАДНУЮ НАУКУ

В период экономизма ГСН их открытость и принятие западных стандартов использовались китайским государством как стимул догоняющего развития. В 1979 г. Дэн Сяопин заявил, что в КНР общественное знание, как и естествознание, сильно отстают от западных стран, и в качестве примера приводил удручающее состояние дел в статистике [45, с. 181] — сфере, тесно связанной с экономической политикой государства. Все 1980-е гг. китайское правительство, не отвергая приоритет марксизма, настаивало

на изучении иностранных языков, научной литературы, методик и подходов исследований. К началу 2010-х гг. английский стал важным ресурсом карьерного роста в китайских НИИ и вузах [31, с. 154]. В 1980-е и 1990-е гг. академические круги стремились копировать западные принципы функционирования науки: стали появляться неофициальные дискуссионные клубы, частные мозговые центры и журналы, направленные на равноправный диалог с властями в надежде на скорую политическую реформу [15, с. 36—37, 47—48]. Даже тяньаньмэньские события не переломили эту тенденцию, и современникам первой половины 1990-х гг. казалось, что в Китае рождается новое, независимое от государства интеллектуальное поле, близкое западным ценностям [15, с. 50]. В обществе сформировалось представление о престиже иностранного образования: до пандемии коронавируса, в 2019 г. 703 тыс. китайских студентов обучалось за рубежом (по всем дисциплинам, не только ГСН), а с 1978 г. обучение за границей прошло 6,5 млн человек [58].

Параллельно росту массовых контактов и обменов китайская научная бюрократия, стремясь создать конкурентную науку, подтолкнула университеты к ещё большей интеграции в западное естествознание, что подстегнуло и интернационализацию ГСН. С 1995 г. Министерство образования КНР запустило серию программ по продвижению китайских вузов на мировой уровень, значительно опередив схожие начинания в России. Для этого в Китае был разработан первый в мире комплексный рейтинг вузов (Shanghai Ranking), что подстегнуло появление аналогичных инструментов оценки на Западе и глобальную гонку университетов. В основе этих рейтингов была в том числе наукометрия, основанная на публикациях в западном научном мире. Передовым университетам Китая пришлось перестраиваться качественно: они переняли международные (в основном североамериканские) механизмы найма и продвижения преподавателей, нормы и практики в области исследований и преподавания [30]. Публикации в ведущих западных изданиях постепенно стали ключевым требованием политики мотивации профессорско-преподавательского состава сначала центральных учреждений, а затем и всей научно-образовательной системы. До ГСН «публикационная лихорадка» добралась только в 2000-е гг., на полтора десятилетия позже естественных наук. Учёных социогуманитарного профиля щедро поощряли за статьи в ведущих журналах, индексируемых в Web of Science (WoS) и Scopus: например, в 2017 г. Чунцинский университет платил за такие публикации 30 тыс. юаней, Хэнаньский — 50, в то время как премии за материалы в престижных китайских журналах были в 3—10 раз меньше [44, с. 44].

Интернационализация была успешной прежде всего для естественных направлений, тем не менее китайские ГСН также

сделали большой шаг к интеграции в мировую науку в 2010-е гг. [31, с. 155—156]. Если ещё в 2000-е гг. почти половина всех публикаций в ведущих международных журналах приходилась на гонконгских исследователей, которые уже давно были включены в западный мир [25, с. 559], то к концу 2010-х гг. учёные из материкового Китая в сфере ГСН превзошли их. В 2010 г. они опубликовали в журналах базы Scopus 6040 статей, в 2019 г. — уже 30 627 [36, с. 382]. При этом научная бюрократия Китая успешней других стремящихся в западную науку стран (Россия, Иран, Индия и др.) боролась с материалами в мусорных или хищнических журналах [27, с. 5032—5033].

Базовым стимулом повышения публикационной активности стала вышеупомянутая мотивационная политика, однако параллельно с ней действовали и другие факторы. В ведущих вузах и КАОН вырос уровень знания западной академической культуры, в них увеличивалось число «возвращенцев» с опытом учёбы и работы за рубежом. В социогуманитарных дисциплинах сохранялся высокий уровень международной коллаборации: с 2010 по 2019 г. 41% всех статей китайских авторов в базе Scopus был написан в соавторстве с зарубежными партнёрами [36, с. 380]. Важную роль играла и грантовая поддержка китайских фондов: в период с 1979 по 2018 г. авторы чуть более 50% статей по социальным наукам, появившихся в базе данных SSCI (24 755 из 49 109), получали дополнительное финансирование на исследования [36, с. 403].

Интернационализация, несмотря на очевидные количественные успехи, несла в себе структурные противоречия для китайской науки, особенно её социогуманитарной составляющей. Первое противоречие заключалось во внешне малозаметном, но внутренне конфликтном делении китайской академии на «возвращенцев» с опытом учёбы или работы в западной науке и «доморощенных» учёных, обычно с плохим знанием английского языка и западной академической культуры. У второй категории, как показало социологическое исследование Хань и Аппельбаума, сложилось убеждение, что «возвращенцы» получают больше, легче находят работу и выше ценятся коллегами [19, с. 16]. Проблема была особенно остра в ведущих вузах, где сотрудники без международного опыта учёбы или работы оставались без премий и научных ставок, открыто транслируя опасения колонизации Западом китайских университетов [30, с. 360—361; 44, с. 52—53]. При этом «возвращенцы», выполняя требования по публикациям в высокорейтинговых изданиях и получая за это неплохие премии, тем не менее чувствовали себя лишними людьми в китайской академии, так как не имели широких социальных связей («гуаньси») внутри страны и, соответственно, возможностей карьерного роста [24, с. 9].

Второе противоречие было связано с крайне утилитарным подходом научной бюрократии Китая к интернационализации науки. Она поощряла лишь те формы интеграции, которые были важны для экономического развития и усиливали престиж Китая, но не должны были нарушать государственную идеологию [35, с. 682]. Акцент на публикации в ведущих западных журналах по ГСН в условиях ограниченного международного сотрудничества привёл к появлению отдельных островков внутри Китая, способных конкурировать с мировыми научными центрами, но мало связанных с большей частью академического сообщества и доминирующей преподавательской практикой в самом Китае. К тому же исследования, востребованные за рубежом, неизбежно строились на западных ценностях, что не могло не входить в противоречие с государственной гегемонией КПК [14, с. 569]. Например, указанное в предыдущем разделе открытое письмо «Ляонин Жибао» обвиняло «возвращенцев» в очернении ими Китая в лекциях [57].

Интеграция в глобальную науку показала и нежелание лидеров западной гегемонии включать Китай в число ведущих научно-технических держав. Это проявлялось не только в ограничении доступа Китая к новейшим научно-техническим разработкам, американской кампании против учёных, подозреваемых в связях с Китаем, недопуске таких корпораций, как Huawei, на американский и европейский рынки высокотехнологичной продукции, но и в сдерживании роста числа китайских журналов в списках Scopus и Web of Science, несмотря на активную политику Китая по их продвижению. Исходя из отчёта Journal Citation Reports в 2019 г., который предлагает основной перечень журналов базы данных WoS, Китай, лидируя в нём в производстве научных статей, индексировал там всего 221 журнал против 4135 у США, 2864 у Великобритании и 278 у Швейцарии. Даже Россия, опубликовавшая в WoS в 11 раз меньше статей, чем Китай, имела вполне сопоставимое с Китаем число журналов — 151 [22, с. 303]. Китайские издательства также не смогли преодолеть пределы своей страны и занять серьёзные позиции на мировом рынке научной продукции.

КИТАИЗАЦИЯ ВОВНЕ

Интернационализация была наиболее заметным, но не единственным трендом развития ГСН в КНР. Несмотря на экономическую (а вместе с ней и научную) интеграцию, китайские власти не собирались перенимать политические и более глубокие культурные ценности, присущие западному миру. Ещё в середине 1990-х гг. с постепенным укреплением идеологического

контроля над ГСН власти стали требовать от учёных самоцензуры при использовании западных теорий и концепций. В 2004 г. в «Мнениях об ускорении построения философии и социальных наук с китайскими особенностями» ЦК КПК по-прежнему поощрял международный научный обмен, однако предостерегал от слепого копирования идей и проникновения «реакционных и порочных идеологий и культур» [47].

В последнее десятилетие Китай стал проводить политику формирования и распространения исконно китайского социогуманитарного знания вовне. В 2011 г. министерства финансов и образования КНР приняли «План процветания философии и социальных исследований в высших учебных заведениях (2011—2020)». В нём ставилась амбициозная задача создания «инновационной системы» ГСН, способной, с одной стороны, внести «новый вклад в продвижение китаизации, модернизации и популяризации марксизма», с другой, сформировать «первоклассные научные школы и аналитические мозговые центры, которые соответствуют мировым стандартам и пользуются международной репутацией». При этом власти ставили задачу «продвижения философии и социальных наук в мир для реализации стратегии „идти вовне“ в сфере культуры и усиления международной дискурсивной мощи Китая» [48].

Укрепление дискурсивной мощи Китая стало лейтмотивом научно-образовательной политики Си Цзиньпина. По мнению руководителя КНР, ГСН, не закрываясь от внешнего мира, должны критично подходить к западным научным концепциям. Главная задача — создать китайскую «дискурсивную систему», так как «голос китайской философии и социальных наук всё ещё относительно мал на международной арене, и мы пока находимся в ситуации, когда не можем сказать то, что должны сказать, и не можем передать то, что нами сказано» [49]. Си Цзиньпин считал, что в каждой дисциплине должны появиться китайские концепции и теории, которые позволили бы описать мир не по-западному. Инструментами распространения китайского дискурса должна стать не только интенсификация традиционных научных обменов, но и создание международных аналитических центров в КНР и китайских за рубежом, поддержка зарубежного китаеведения, развитие международных исследовательских проектов. В мае 2017 г. ЦК КПК принял «Мнения об ускорении строительства философских и социальных наук с китайской спецификой» [50], в которых делался упор на диверсификацию и улучшение инструментария для распространения китайской картины мира («дискурсивной системы»).

При Си Цзиньпине произошла трансформация таких типично западных институтов взаимодействия учёных ГСН с властями, как «мозговые центры». Руководство страны стало видеть их

«неотъемлемой частью системы государственного управления» и требовать их «институционализации» в виде «мозговых центров нового типа» с китайской спецификой [59]. В соответствующем постановлении Канцелярии ЦК КПК подчёркивалось, что, помимо консультирования органов власти по внутренним делам, реформируемые учреждения важны для продвижения «мягкой силы» КНР и поддержки китайской дипломатии. Если в западных странах «мозговые центры» в основном существуют на частные деньги и выражают интересы капитала, то в Китае этот институт трансформирован в рупор государственной идеологии [59].

Другим направлением усиления позиций китайской науки и культуры стала программа подготовки молодых китаеведов. Её запустило Министерство культуры КНР и КАОН в 2014 г. с целью «способствовать культурному обмену между Китаем и зарубежными странами, помочь молодым синологам со всего мира получить глубокое и объективное понимание китайской истории, культуры и современного развития, а также продвигать и распространять китайскую культуру и ценности во всем мире» [60]. Китайские СМИ позиционировали мероприятие как строительство мостов с внешним миром, а самих китаеведов как «послов Китая» за рубежом [61]. Программа состояла из трёхнедельных стажировок, где на первой неделе молодые специалисты по Китаю слушали лекции ведущих китайских профессоров в области экономики, международных отношений, культуры и истории, на второй погружались в индивидуальную тему исследования, на третьей участвовали в общей культурной программе.

Вышеуказанные меры продвижения китайской социогуманитарной науки за рубежом пока нельзя признать успешными. Когда научная бюрократия КНР только поставила задачу укрепления научного голоса Китая на международной арене, то учёные ГСН находились в недоумении, считая, что пока Китай не может предложить миру ничего, кроме модифицированных версий конфуцианства [13, с. 265]. Последние же, как показывают попытки создания теории международных отношений, очень ситуативны и имеют бедный аналитический инструментарий: они в лучшем случае могут описать опыт КНР, но неприменимы для анализа других стран [9; 17].

Вместо усиления «дискурсивной мощи» китайские ГСН пока поставляют вовне новые знания о самом Китае, не претендуя на переосмысление ключевых западных теорий и концепций и тем более принципиально иное видение мира. Это отчётливо просматривается на примере списка исследований китайских учёных, которые ежегодно отбирает НФСН для перевода на иностранные языки (далее ограничимся только русским) с целью продвижения вовне китайского социогуманитарного знания. В 2021 г. фонд

поддержал перевод на русский язык 17 работ [62]. Почти все из них ориентированы на ознакомление русскоязычных читателей с китайской культурой и историей, включая идеи Конфуция, а в качестве ключевого проекта поддержан перевод монографии Дай Цзиньхуа о китайском кинематографе в первые два десятилетия китайских реформ (в 1980—1990-е гг.). Лишь одна работа, которая проходила по общей категории, на самом деле может претендовать на место в дискуссии о современности — коллективный сборник шести китайских учёных «Поднебесная принадлежит народу» о мировом развитии социализма и превосходстве его китайской модели. В 2020 г. наблюдалась схожая ситуация: с натяжкой к осмыслению марксистской теории аграрных отношений можно отнести работу Чэнь Ивэня «Сельское хозяйство, сельские районы и крестьяне Китая», но бывший чиновник напрямую не ставил в ней такую задачу. Остальные 15 выигравших заявок связаны с историей и культурой Китая [63].

Результаты работы китайских «мозговых центров» и программы подготовки синологов отражают схожие противоречия. Ведущие «мозговые центры» КНР диверсифицируют и тематику, и набор мнений о событиях в мире и Китае, втягивают зарубежных экспертов в свою деятельность и активно продвигают ключевые внешнеполитические идеи Китая. Но при этом они не выходят за рамки официальной идеологии, всегда легитимируют действия властей и не готовы обсуждать негативные стороны внутрикитайской и международной повестки [7; 28]. Программа подготовки молодых синологов расширяла знания о Китае, но, как подметил один из её участников, даже откровенные разговоры с представителями власти и экспертами были лишь интерпретациями официальной идеологии, т.е. она не позволяла глубокого понять процессы внутри страны [12, с. 247]. Китаеведы получали знания либо о новейших технических достижениях Китая, либо о традиционной культуре, но опять же не о современной научно-теоретической или общественно политической полемике в КНР.

Коронавирус поставил на паузу многие проекты продвижения китайских ГСН вовне и международный обмен, однако не остановил политику государства по снижению влияния гегемонии западной науки на Китай. За полгода до пандемии канцелярия ЦК КПК приняла «Мнения о дальнейшем развитии духовных ценностей учёных для совершенствования стиля работы и познания», которые ставили задачу за год «преобразовать стиль работы и улучшить исследовательские принципы» с конечной целью «построить мировую державу в области науки и технологий» [64]. Они требовали воспитания в учёных патриотизма и одновременно ценностей объективного научного поиска. Скорее всего, «Мнения» так и остались бы одним из очередных партийных циркуляров об интеллектуальной мобилизации

и самодисциплине, если бы со ссылкой на него не появились документы Министерства науки и техники [65] и Министерства образования [54] с требованиями изменить систему оценки научной работы, прекратить бездумное поклонение импакт-факторам и журнальным рейтингам. Оба акта не отрицали важность наукометрии, но считали необходимым отказаться от приоритета рейтингов, особенно зарубежных, и учитывать качество публикаций (через экспертную оценку). Требования Министерства образования касались ГСН и указывали, что их оценка через журнальные статьи задаёт неправильные ориентиры для преподавателей вузов. Оно провело десять «красных линий», которые университеты не должны переступать впредь. Их большая часть касалась технических вопросов, т.е. того, что вузам не следует устанавливать мотивационные, карьерные, статусные ориентиры исходя из зарубежных публикаций. В этих десяти «не должны» содержались и политические требования: преподаватели вузов «не должны» намеренно принижать и очернять Китай ради зарубежных публикаций в ущерб национальному суверенитету, безопасности и интересам развития страны [54].

Новая политика оценки научной деятельности вызвала резонанс в академическом сообществе Китая. Её приветствовала большая часть «доморощенных» исследователей, ссылаясь на несовершенство наукометрии и важность патриотизма в профессии. «Возвращенцы», особенно их молодая когорта, были обеспокоены возможным ограничением общения с зарубежными коллегами [37]. Ведущие вузы также не высказали энтузиазма по поводу внедрения новых правил и продолжили использовать зарубежные и китайские рейтинги в своей внутренней мотивационной политике за неимением адекватной замены [38, с. 13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китайская история социогуманитарного знания и его взаимодействия с глобальной наукой одновременно и уникальны, и в сравнении с Россией типичны для стран догоняющего развития, претендующих на роль научно-технических держав. С точки зрения организационно-управленческой структуры КНР, которая перенимала то советский, то западный опыт, сформировала национальную модель ГСН с сильными университетами и особым статусом КАОН, а также курсом развития, отличным от естествознания. В отношениях с западной академией Китай прошёл схожий со многими другими странами путь: сначала принял западную гегемонию, пытаясь через её ценности и принципы создать конкурентную среду для ускоренного развития, но в последние годы для усиления официальной идеологии и её внешнего

влияния стремится идти альтернативной дорогой. Отличие КНР от общей какофонии деколониальных стратегий борьбы с европоцентричными парадигмами в Азии [10, с. 216—223] и на постсоветском пространстве — это несоразмерно бóльшие возможности государства усилить свои ГСН. Власти КНР на самом деле увеличили финансирование и другую поддержку социальных и гуманитарных дисциплин, но также поставили перед ними высокую планку — продвигать в международном сообществе китайскую картину мира и китайские подходы к видению общественных отношений. Пока основные механизмы реализации этой стратегии — «мозговые центры» с китайской спецификой, выстраивание особых отношений с мировой синологией, мобилизация творческого потенциала и популяризация вовне исследований учёных ГСН — нельзя охарактеризовать успешными. Они знакомят мир с Китаем и позволяют втягивать в орбиту китайского влияния зарубежных коллег, но не создают главного — контрдискурса, способного описывать общественные отношения не в рамках западных либеральных ценностей.

Стратегия китаизации социогуманитарного знания также сталкивается со структурными противоречиями в научном сообществе КНР, появившимися вследствие реализации предшествующих практик догоняющего развития. Неявное разделение китайской академии на «возвращенцев» с опытом учёбы или работы на Западе и «доморощенных» учёных формирует нездоровую атмосферу взаимной зависти и недоверия. Механический подход бюрократии к интернационализации науки — взять западные рейтинги (но не ценности) и наложить их на китайское академическое сообщество для его мобилизации — неизбежно стимулировал учёных использовать европоцентричные социогуманитарные ценности и подходы. Главное, до сих пор не ясно, как разрешить эти противоречия.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Веселова Л.С. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7 (411). С. 124—134.
2. Зубарев А.Е., Белевич Е.А., Петрова Е.А. Анализ стратегии развития научно-технического потенциала КНР // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 2 (45). С. 109—116.
3. Иванов С.А. Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // Известия Восточного Института. 2018. № 2 (38). С. 6—23.
4. Островский А.В. Некоторые аспекты истории и перспектив инновационного развития КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 60—74.

5. Положихина М.А. Ход и результаты реформ в научной сфере: сравнение России и Китая // *Россия и современный мир*. 2020. № 3 (108). С. 89—108.
6. Ставров И.В. Россиеведение китайского приграничья (о россиеведческих исследованиях в провинции Хэйлуцзян) // *Журнал фронтирных исследований*. 2017. № 3 (7). С. 44—56.
7. Abb P. Leaders or “Guides” of Public Opinion? The Media Role of Chinese Foreign Policy Experts // *Modern China*. 2021. No. 3 (47). P. 320—349.
8. Alatas S.F. Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences // *Current Sociology*. 2003. No. 6 (51). P. 599—613.
9. An N., Sharp J., Shaw I. Still a Long Journey to Decentralize Geopolitics // *Dialogues in Human Geography*. 2021. No. 2 (11). P. 270—274.
10. Chen K.-H. *Asia as Method: Toward Deimperialization*. Durham: Duke University Press, 2010. 342 p.
11. Cohen I.B. Newton and the Social Sciences, with Special Reference to Economics, or, the Case of the Missing Paradigm Historical Perspectives on Modern Economics // *Natural Images in Economic Thought* / ed. P. Mirowski. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 55—90.
12. Farrelly P.J. Sinology as Spectacle // *Power. China Story Yearbook* / eds. P.J. Farrelly et al. Canberra: ANU Press, 2019. P. 243—248.
13. Feng H., Beckett G.H., Huang D. From ‘Import’ to ‘Import—Export’ Oriented Internationalization: the Impact of National Policy on Scholarly Publication in China // *Language Policy*. 2013. No. 3 (12). P. 251—272.
14. Gao X. (Andy), Zheng Y. ‘Heavy Mountains’ for Chinese Humanities and Social Science Academics in the Quest for World-Class Universities // *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2020. No. 4 (50). P. 554—572.
15. Goldman M. Politically-Engaged Intellectuals in the Deng-Jiang Era: A Changing Relationship with the Party-State // *The China Quarterly*. 1996. No. 145. P. 35—52.
16. Goldstone J.A. The Rise of the West — or Not? A Revision to Socio-Economic History // *Sociological Theory*. 2000. No. 2 (18). P. 175—194.
17. Gonzalez-Vicente R. Why a Critical Geopolitics Cannot be Confucian // *Dialogues in Human Geography*. 2021. No. 2 (11). P. 248—252.
18. Gramsci A. *Selections from the Prison Notebooks* / eds. Q. Hoare, G.N. Smith. New York: International Publishers, 1992. 483 p.
19. Han X., Appelbaum R.P. China’s Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) Research Environment: A Snapshot // *PLOS ONE*. 2018. No. 4 (13). P. 1—22.
20. Hayhoe R. *China’s Universities 1895—1995: A Century of Cultural Conflict*. London: Routledge, 2018. 327 p.
21. Holbig H. Shifting Ideologies of Research Funding: The CPC’s National Planning Office for Philosophy and Social Sciences // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2014. No. 2 (43). P. 13—32.
22. Huang Y., Li R., Zhang L., Sivertsen G. A Comprehensive Analysis of the Journal Evaluation System in China // *Quantitative Science Studies*. 2021. No. 1 (2). P. 300—326.
23. Kang L. Social Sciences, Humanities and Liberal Arts: China and the West // *European Review*. 2018. No. 2 (26). P. 241—261.
24. Liu D., Xu Y., Zhao T., Che S. Academic Career Development of Chinese Returnees with Overseas Ph.D. Degrees: A Bioecological Development Perspective // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. P. 1—12.

25. Liu W., Hu G., Tang L., Wang Y. China's Global Growth in Social Science Research: Uncovering Evidence from Bibliometric Analyses of SSCI Publications (1978—2013) // *Journal of Informetrics*. 2015. No. 3 (9). P. 555—569.
26. Lo T.Y.J., Pan S. The Internationalisation of China's Higher Education: Soft Power with 'Chinese Characteristics' // *Comparative Education*. 2021. No. 2 (57). P. 227—246.
27. Marina T., Sterligov I. Prevalence of Potentially Predatory Publishing in Scopus on the Country Level // *Scientometrics*. 2021. No. 6 (126). P. 5019—5077.
28. Menegazzi S. Chinese Think Tanks and Public Diplomacy in the Xi Jinping Era // *Global Society*. 2021. No. 3 (35). P. 373—394.
29. Quijano A. Coloniality and Modernity/Rationality // *Cultural Studies*. 2007. No. 2-3 (21). P. 168—178.
30. Rhoads R.A., Hu J. The Internationalization of Faculty Life in China // *Asia Pacific Journal of Education*. 2012. No. 3 (32). P. 351—365.
31. Rui Y. China's Strategy for the Internationalization of Higher Education: An Overview // *Frontiers of Education in China*. 2014. No. 2 (9). P. 151—162.
32. Sleeboom-Faulkner M. *The Chinese Academy of Social Sciences (CASS): Shaping the Reforms, Academia and China (1977—2003)*. Leiden: Brill, 2007. 358 p.
33. Weiss J.C., Wallace J.L. Domestic Politics, China's Rise, and the Future of the Liberal International Order // *International Organization*. 2021. No. 2 (75). P. 635—664.
34. Xie M. Living with Internationalization: the Changing Face of the Academic Life of Chinese Social Scientists // *Higher Education*. 2018. No. 3 (75). P. 381—397.
35. Zha Q., Wu H., Hayhoe R. Why Chinese Universities Embrace Internationalization: an Exploration with Two Case Studies // *Higher Education*. 2019. No. 4 (78). P. 669—686.
36. Zhang L., Shang Y., Huang Y., Sivertsen G. Toward Internationalization: A Bibliometric Analysis of the Social Sciences in Mainland China from 1979 to 2018 // *Quantitative Science Studies*. 2021. No. 1 (2). P. 376—408.
37. Zhang L., Sivertsen G. The New Research Assessment Reform in China and Its Implementation // *Scholarly Assessment Reports*. 2020. No. 1 (2). P. 1—7.
38. Zheng J., Wu H. Translating Rhetoric into Reality: Using the Internationalization of Humanities and Social Sciences in Chinese Universities as the Case // *Higher Education*. 2021. No. 84 (3). P. 1—18.
39. Zinda Y.S. The Transformations of PRC Academic Philosophy: Maoist Features and Their Use under Xi Jinping // *Asian Studies*. 2019. No. 1 (7). P. 219—245.
40. 习近平. 深入实施新时代人才强国战略 加快建设世界重要人才中心和创新高地 = Си Цзиньпин. Углублённая реализация стратегии укрепления страны талантами в новую эпоху и ускоренное строительство центра талантов мирового значения и инновационного потенциала. 15.12.2021. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/32308911> (дата обращения: 21.03.2022).
41. 储著武. 由统至分: 新中国哲学社会科学领导体制的初步形成 = Чу Чживу. От объединения к разделению: начальное формирование системы руководства философией и социальными науками в новом Китае // *河北学刊*. 2021. № 2 (41). С. 12—23.
42. 杨清明. 常闻潮汐澎湃久望春秋峥嵘 — 中国哲学社会科学演进轨迹与发展趋势 = Ян Цинмин. Прилив, подъём и процветание: траектория китайской

- философии и социальных наук и тенденции их развития // 改革. 2016. № 1. С. 5—26.
43. 胡耀邦. 胡耀邦在中国共产党第十二次全国代表大会上的报告 = Ху Яобан. Доклад Ху Яобана на 12-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. URL: http://www.gov.cn/test/2008-06/25/content_1027219.htm (дата обращения: 24.03.2022).
44. 许心, 蒋凯. 高校教师视角下的人文社会科学国际发表及其激励制度 = Сюй Синь, Цзян Кай. Международные публикации в области гуманитарных и социальных наук и система их стимулирования с точки зрения преподавателей университетов // 高等教育研究. 2018. № 1. С. 43—55.
45. 邓小平文选三卷 = Избранные сочинения Дэн Сяопина: в 3 т. Пекин:人民出版社, 1994. Т. 2. 446 с.
46. 关于加强和改进高等学校人文社会科学研究工作的若干意见 = Несколько мнений об усилении и улучшении исследований в области гуманитарных и социальных наук в высших учебных заведениях. URL: <https://law.lawtime.cn/d617619622713.html> (дата обращения: 10.03.2022).
47. 中共中央关于进一步繁荣发展哲学社会科学的意见 = Мнения ЦК КПК о дальнейшем процветании и развитии философии и общественных наук. URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/06/content_12421.htm (дата обращения: 09.03.2022).
48. 高等学校哲学社会科学繁荣计划(2011—2020年) = План процветания философии и социальных наук в высшем образовании (2011—2020). URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A13/s7061/201111/t20111107_126304.html (дата обращения: 29.04.2022).
49. 习近平在哲学社会科学工作座谈会上的讲话 = Выступление Си Цзиньпина на симпозиуме по проблемам философии и общественных наук. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28361550> (дата обращения: 11.03.2022).
50. 关于加快构建中国特色哲学社会科学的意见 = Мнения об ускорении строительства философских и социальных наук с китайской спецификой. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2017-05/16/content_5194467.htm (дата обращения: 11.03.2022).
51. 新时代高校思想政治理论课教学工作基本要求 = Основные требования к преподаванию курсов идеологии и политической теории в университетах в новую эпоху. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A13/moe_772/201804/t20180424_334099.html (дата обращения: 21.03.2022).
52. 中国科技统计年鉴 2019 = Статистический ежегодник науки и техники Китая 2019. Пекин: 中国统计出版社, 2019. 283 с.
53. 2020中国科技统计数据 = Статистика науки и техники Китая 2020. Пекин: 中华人民共和国科学技术部, 2020. 69 с.
54. 关于破除高校哲学社会科学研究评价中“唯论文”不良导向的若干意见 = Несколько мнений об устранении нежелательной установки «только публикации» при оценке исследований по философии и социальным наукам в университетах. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A13/moe_2557/s3103/202012/t20201215_505588.html (дата обращения: 10.03.2022).
55. 构建全方位、全领域、全要素的哲学社会科学体系 = Создание всесторонней, многопрофильной, многофакторной системы философии и социальных наук. URL: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2021/0517/c437515-32105028.html> (дата обращения: 30.03.2022).
56. 李长春出席2011年度国家社科基金项目评审工作会议并讲话 = Ли Чанчунь принял участие и выступил на конференции по рассмотрению проектов Национального фонда социальных наук 2011 г. URL: <http://srcs>

- people.com.cn/GB/219457/221241/221242/14617485.html (дата обращения: 07.04.2022).
57. 致高校老师一封公开信:老师,请不要这样讲中国 = Открытое письмо преподавателям университетов: учителя, пожалуйста, не говорите так о Китае. URL: <http://edu.people.com.cn/n/2014/1114/c1006-26025286.html> (дата обращения: 04.04.2022).
 58. 2019年度出国留学人员情况统计 = Статистика по студентам, обучающимся за рубежом в 2019 г. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202012/t20201214_505447.html (дата обращения: 25.04.2022).
 59. 关于加强中国特色新型智库建设的意见 = Мнения об усилении строительства «мозговых центров» нового типа с китайской спецификой. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-01/20/content_2807126.htm (дата обращения: 15.04.2022).
 60. 首期“2014年青年汉学家研修计划”结束 = Завершилась первая «Программа обучения молодых китаеведов — 2014». URL: http://www.gov.cn/xinwen/2014-07/25/content_2724280.htm (дата обращения: 04.05.2022).
 61. 青年汉学家:做海外的中国“大使” = Молодые китаеведы: быть китайскими «послами» за рубежом. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/zsdw/zwwhjlx/201407/t20140728_777478.html (дата обращения: 05.05.2022).
 62. 2021年度国家社科基金中华学术外译项目立项名单公布 = Объявление о списке проектов перевода научных трудов на китайском языке Национального фонда социальных наук на 2021 г. URL: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2022/0208/c431031-32347890.html> (дата обращения: 17.05.2022).
 63. 2020年度国家社科基金中华学术外译项目立项名单公布 = Объявление о списке проектов перевода научных трудов на китайском языке Национального фонда социальных наук на 2020 г. URL: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2021/0202/c219469-32020178.html> (дата обращения: 29.03.2022).
 64. 关于进一步弘扬科学家精神加强作风和学风建设的意见 = Мнения о дальнейшем развитии духовных ценностей учёных для совершенствования стиля работы и познания. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-06/11/content_5399239.htm (дата обращения: 05.05.2022).
 65. 关于破除科技评价中“唯论文”不良导向的若干措施(试行) = Несколько мер по устранению нежелательной установки «только публикации» в оценке науки и техники (для пробного применения). URL: http://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgdgknr/fgzc/gfxwj/gfxwj2020/202002/t20200223_151781.html (дата обращения: 05.05.2022).

REFERENCES

1. Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Veselova L.S. Vektory stanovleniya kitayskoy sotsiologii: pragmaticheskaya napravlennost', sokhranenie traditsii [Vectors of Formation of Chinese Sociology: Pragmatic Orientation and Maintaining Traditions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 7 (411), pp. 124—134. (In Russ.)
2. Zubarev A.E., Belevich E.A., Petrova E.A. Analiz strategii razvitiya nauchno-tekhnicheskogo potentsiala KNR [Analysis of the Development Strategy for Scientific and Technical Potential of China]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 2 (45), pp. 109—116. (In Russ.)
3. Ivanov S.A. Nauchno-tekhnicheskaya politika Kitaya: priorityty dogonyayushchego razvitiya i rezul'taty [China's Science and Technology Policy: Priority of Catching Up Development and Results]

- Priorities of Catching-Up Development and Results]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta*, 2018, no. 2 (38), pp. 6—23. (In Russ.)
4. Ostrovskiy A.V. Nekotorye aspekty istorii i perspektiv innovatsionnogo razvitiya KNR [Some Aspects of the History and Prospects of Innovative Development in China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2017, no. 3, pp. 60—74. (In Russ.)
 5. Polozhikhina M.A. Khod i rezul'taty reform v nauchnoy sfere: sravnenie Rossii i Kitaya [The Process and Results of Reforms in the Scientific Sphere: Comparison between Russia and China]. *Rossiya i sovremennyy mir*, 2020, no. 3 (108), pp. 89—108. (In Russ.)
 6. Stavrov I.V. Rossievedenie kitayskogo prigranich'ya (o rossievedcheskikh issledovaniyakh v provintsii Kheyluntszyan) [Russian Studies of Chinese Borderlands (On Russian Studies in Heilongjiang Province)]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2017, no. 3 (7), pp. 44—56. (In Russ.)
 7. Abb P. Leaders or “Guides” of Public Opinion? The Media Role of Chinese Foreign Policy Experts. *Modern China*, 2021, no. 3 (47), pp. 320—349. (In Eng.)
 8. Alatas S.F. Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences. *Current Sociology*, 2003, no. 6 (51), pp. 599—613. (In Eng.)
 9. An N., Sharp J., Shaw I. Still a Long Journey to Decentralize Geopolitics. *Dialogues in Human Geography*, 2021, no. 2 (11), pp. 270—274. (In Eng.)
 10. Chen K.-H. *Asia as Method: Toward Deimperialization*. Durham, Duke University Press Publ., 2010, 342 p. (In Eng.)
 11. Cohen I.B. Newton and the Social Sciences, with Special Reference to Economics, or, the Case of the Missing Paradigm Historical Perspectives on Modern Economics. *Natural Images in Economic Thought*. Ed. by P. Mirowski. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1994, pp. 55—90. (In Eng.)
 12. Farrelly P.J. Sinology as Spectacle. *Power. China Story Yearbook*. Eds. P.J. Farrelly et al. Canberra, ANU Press Publ., 2019, pp. 243—248. (In Eng.)
 13. Feng H., Beckett G.H., Huang D. From ‘Import’ to ‘Import — Export’ Oriented Internationalization: the Impact of National Policy on Scholarly Publication in China. *Language Policy*, 2013, no. 3 (12), pp. 251—272. (In Eng.)
 14. Gao X. (Andy), Zheng Y. ‘Heavy Mountains’ for Chinese Humanities and Social Science Academics in the Quest for World-Class Universities. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 2020, no. 4 (50), pp. 554—572. (In Eng.)
 15. Goldman M. Politically-Engaged Intellectuals in the Deng-Jiang Era: A Changing Relationship with the Party-State. *The China Quarterly*, 1996, no. 145, pp. 35—52. (In Eng.)
 16. Goldstone J.A. The Rise of the West — or Not? A Revision to Socio-Economic History. *Sociological Theory*, 2000, no. 2 (18), pp. 175—194. (In Eng.)
 17. Gonzalez-Vicente R. Why a Critical Geopolitics Cannot be Confucian. *Dialogues in Human Geography*, 2021, no. 2 (11), pp. 248—252. (In Eng.)
 18. Gramsci A. *Selections from the Prison Notebooks*. Eds. Q. Hoare, G.N. Smith. New York, International Publishers Publ., 1992, 483 p. (In Eng.)
 19. Han X., Appelbaum R.P. China’s Science, Technology, Engineering, and Mathematics (STEM) Research Environment: A Snapshot. *PLOS ONE*, 2018, no. 4 (13), pp. 1—22. (In Eng.)
 20. Hayhoe R. *China’s Universities 1895—1995: A Century of Cultural Conflict*. London, Routledge Publ., 2018, 327 p. (In Eng.)

21. Holbig H. Shifting Ideologies of Research Funding: The CPC's National Planning Office for Philosophy and Social Sciences. *Journal of Current Chinese Affairs*, 2014, no. 2 (43), pp. 13—32. (In Eng.)
22. Huang Y., Li R., Zhang L., Sivertsen G. A Comprehensive Analysis of the Journal Evaluation System in China. *Quantitative Science Studies*, 2021, no. 1 (2), pp. 300—326. (In Eng.)
23. Kang L. Social Sciences, Humanities and Liberal Arts: China and the West. *European Review*, 2018, no. 2 (26), pp. 241—261. (In Eng.)
24. Liu D., Xu Y., Zhao T., Che S. Academic Career Development of Chinese Returnees with Overseas Ph. D. Degrees: A Bioecological Development Perspective. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 13, pp. 1—12. (In Eng.)
25. Liu W., Hu G., Tang L., Wang Y. China's Global Growth in Social Science Research: Uncovering Evidence from Bibliometric Analyses of SSCI Publications (1978—2013). *Journal of Informetrics*, 2015, no. 3 (9), pp. 555—569. (In Eng.)
26. Lo T.Y.J., Pan S. The Internationalisation of China's Higher Education: Soft Power with 'Chinese Characteristics'. *Comparative Education*, 2021, no. 2 (57), pp. 227—246. (In Eng.)
27. Marina T., Sterligov I. Prevalence of Potentially Predatory Publishing in Scopus on the Country Level. *Scientometrics*, 2021, no. 6 (126), pp. 5019—5077. (In Eng.)
28. Menegazzi S. Chinese Think Tanks and Public Diplomacy in the Xi Jinping Era. *Global Society*, 2021, no. 3 (35), pp. 373—394. (In Eng.)
29. Quijano A. Coloniality and Modernity/Rationality. *Cultural Studies*, 2007, no. 2-3 (21), pp. 168—178.
30. Rhoads R.A., Hu J. The Internationalization of Faculty Life in China. *Asia Pacific Journal of Education*, 2012, no. 3 (32), pp. 351—365. (In Eng.)
31. Rui Y. China's Strategy for the Internationalization of Higher Education: An Overview. *Frontiers of Education in China*, 2014, no. 2 (9), pp. 151—162. (In Eng.)
32. Sleeboom-Faulkner M. *The Chinese Academy of Social Sciences (CASS): Shaping the Reforms, Academia and China (1977—2003)*. Leiden, Brill Publ., 2007, 358 p. (In Eng.)
33. Weiss J.C., Wallace J.L. Domestic Politics, China's Rise, and the Future of the Liberal International Order. *International Organization*, 2021, no. 2 (75), pp. 635—664. (In Eng.)
34. Xie M. Living with Internationalization: the Changing Face of the Academic Life of Chinese Social Scientists. *Higher Education*, 2018, no. 3 (75), pp. 381—397. (In Eng.)
35. Zha Q., Wu H., Hayhoe R. Why Chinese Universities Embrace Internationalization: An Exploration with Two Case Studies. *Higher Education*, 2019, no. 4 (78), pp. 669—686. (In Eng.)
36. Zhang L., Shang Y., Huang Y., Sivertsen G. Toward Internationalization: A Bibliometric Analysis of the Social Sciences in Mainland China from 1979 to 2018. *Quantitative Science Studies*, 2021, no. 1 (2), pp. 376—408. (In Eng.)
37. Zhang L., Sivertsen G. The New Research Assessment Reform in China and Its Implementation. *Scholarly Assessment Reports*, 2020, no. 1 (2), pp. 1—7. (In Eng.)
38. Zheng J., Wu H. Translating Rhetoric into Reality: Using the Internationalization of Humanities and Social Sciences in Chinese Universities as the Case. *Higher Education*, 2021, no. 84 (3), pp. 1—18. (In Eng.)

39. Zinda Y.S. The Transformations of PRC Academic Philosophy: Maoist Features and Their Use under Xi Jinping. *Asian Studies*, 2019, no.1 (7), pp. 219—245. (In Eng.)
40. 习近平. 深入实施新时代人才强国战略 加快建设世界重要人才中心和创新高地 [Xi Jinping. In-Depth Implementation of the Strategy of Strengthening the Country with Talents in the New Era and Accelerated Construction of a World Talent Centre and Innovation Potential]. 15.12.2021. Available at: <http://jhsjk.people.cn/article/32308911> (accessed 21.03.2022). (In Chin.)
41. 储著武. 由统至分: 新中国哲学社会科学领导体制的初步形成 [Chu Zhiwu. From Unification to Division: The Initial Formation of the Leadership System of Philosophy and Social Sciences in New China]. *河北学刊*, 2021, no. 2 (41), pp. 12—23. (In Chin.)
42. 杨清明. 常闻潮汐澎湃久望春秋峥嵘 — 中国哲学社会科学演进轨迹与发展趋势 [Yang Qingming. Flow, Rise and Prosperity: The Trajectory of Chinese Philosophy and Social Sciences and Development Trends]. *改革*, 2016, no. 1, pp. 5—26. (In Chin.)
43. 胡耀邦. 胡耀邦在中国共产党第十二次全国代表大会上的报告 [Hu Yaobang. Hu Yaobang's Report to the Twelfth National Congress of the Communist Party of China]. Available at: http://www.gov.cn/test/2008-06/25/content_1027219.htm (accessed 24.03.2022). (In Chin.)
44. 许心, 蒋凯. 高校教师视角下的人文社会科学国际发表及其激励制度 [Xu X., Jiang K. International Publications in the Humanities and Social Sciences and the Incentive System from the Point of View of University Teachers]. *高等教育研究*, 2018, no. 1, pp. 43—55. (In Chin.)
45. 邓小平文选三卷 [Selected Works of Deng Xiaoping: In 3 Volumes]. Beijing: 人民出版社 Publ., 1994, vol. 2, 446 p. (In Chin.)
46. 关于加强和改进高等学校人文社会科学研究工作的若干意见 [Several Opinions on Strengthening and Improving Research in the Humanities and Social Sciences in Higher Education Institutions]. Available at: <https://law.lawtime.cn/d617619622713.html> (accessed 10.03.2022). (In Chin.)
47. 中共中央关于进一步繁荣发展哲学社会科学的意见 [Opinions of the Central Committee of the Communist Party of China on Further Prosperity and Development of Philosophy and Social Sciences]. Available at: http://www.gov.cn/test/2005-07/06/content_12421.htm (accessed 09.03.2022). (In Chin.)
48. 高等学校哲学社会科学繁荣计划(2011—2020年) [Plan for the Prosperity of Philosophy and Social Sciences in Higher Education (2011—2020)]. Available at: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A13/s7061/201111/t20111107_126304.html (accessed 29.04.2022). (In Chin.)
49. 习近平在哲学社会科学工作座谈会上的讲话 [Xi Jinping's Speech at the Symposium on the Issues of Philosophy and Social Sciences]. Available at: <http://jhsjk.people.cn/article/28361550> (accessed 11.03.2022). (In Chin.)
50. 关于加快构建中国特色哲学社会科学的意见 [Opinions on Accelerating the Construction of Philosophical and Social Sciences with Chinese Peculiarities]. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/2017-05/16/content_5194467.htm (accessed 11.03.2022). (In Chin.)
51. 新时代高校思想政治理论课教学工作基本要求 [Basic Requirements for Teaching Ideological and Political Theory Courses in Universities in the New Era]. Available at: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A13/moe_772/201804/t20180424_334099.html (accessed 21.03.2022). (In Chin.)
52. 中国科技统计年鉴 2019 [China Statistical Yearbook on Science and Technology 2019]. Beijing: 中国统计出版社 Publ., 2019, 283 p. (In Chin.)

53. 2020中国科技统计数据 [China Statistics on Science and Technology 2020]. Beijing: 中华人民共和国科学技术部 Publ., 2020, 69 p. (In Chin.)
54. 关于破除高校哲学社会科学研究评价中“唯论文”不良导向的若干意见 [Several Opinions on Eliminating the Undesirable Orientation of “Essay Only” in the Evaluation of Philosophical and Social Science Research in Universities]. Available at: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A13/moe_2557/s3103/202012/t20201215_505588.html (accessed 10.03.2022). (In Chin.)
55. 构建全方位、全领域、全要素的哲学社会科学体系 [Formation of Comprehensive, Multidisciplinary and Multifactor System of Philosophy and Social Science System]. Available at: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2021/0517/c437515-32105028.html> (accessed 30.03.2022). (In Chin.)
56. 李长春出席2011年度国家社科基金项目评审工作会议并讲话 [Li Changchun Attended and Spoke at the 2011 National Social Science Foundation Project Review Conference]. Available at: <http://cpc.people.com.cn/GB/219457/221241/221242/14617485.html> (accessed 07.04.2022). (In Chin.)
57. 致高校老师一封公开信:老师,请不要这样讲中国 [An Open Letter to University Teachers: Teachers, Please Don't Talk about China Like This]. Available at: <http://edu.people.com.cn/n/2014/1114/c1006-26025286.html> (accessed 04.04.2022). (In Chin.)
58. 2019年度出国留学人员情况统计 [Statistics on Study Abroad Students in 2019]. Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/202012/t20201214_505447.html (accessed 25.04.2022). (In Chin.)
59. 关于加强中国特色新型智库建设的意见 [Opinions on Strengthening the Construction of New Type Think Tanks with Chinese Characteristics]. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2015-01/20/content_2807126.htm (accessed 15.04.2022). (In Chin.)
60. 首期“2014年青年汉学家研修计划”结束 [The First “Young Sinologists Training Program — 2014” Is Over]. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2014-07/25/content_2724280.htm (accessed 04.05.2022). (In Chin.)
61. 青年汉学家:做海外的中国“大使” [Young Sinologists: Being Chinese “Ambassadors” Abroad]. Available at: https://www.mct.gov.cn/whzx/zsdw/zwwhjlx/201407/t20140728_777478.html (accessed 05.05.2022). (In Chin.)
62. 2021年度国家社科基金中华学术外译项目立项名单公布 [Chinese Academic Foreign Translation Project of National Social Science Foundation for the Year 2021 Is Announced]. Available at: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2022/0208/c431031-32347890.html> (accessed 17.05.2022). (In Chin.)
63. 2020年度国家社科基金中华学术外译项目立项名单公布 [Chinese Academic Foreign Translation Project of National Social Science Foundation for the Year 2020 Is Announced]. Available at: <http://www.nopss.gov.cn/n1/2021/0202/c219469-32020178.html> (accessed 29.03.2022). (In Chin.)
64. 关于进一步弘扬科学家精神加强作风和学风建设的意见 [Opinions on Further Promotion of the Cultural Values of Scientists to Strengthen the Style of Work and Learning]. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/2019-06/11/content_5399239.htm (accessed 05.05.2022). (In Chin.)
65. 关于破除科技评价中“唯论文”不良导向的若干措施(试行) [Several Measures to Eliminate the Undesirable Orientation of “Essay Only” in Science and Technology Evaluation (for Trial Implementation)]. Available at: http://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/fgzc/gfxwj/gfxwj2020/202002/t20200223_151781.html (accessed 05.05.2022). (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 18.05.2022